

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ДИССЕРТАЦИИ

Книжка А. Сторожева «История моего современника» В. Г. Короленко», прежде всего, малограмотна по языку и стилю. Почти на каждой ее странице встречаются обороты речи, вроде следующих: «на протяжении повествовательной канвы», «уверенность в близкий крах деспотического строя», «писатель уловил нарастающую волну кончающегося долготерпения»...

Языковая малограмотность книжки А. Сторожева находится в полной «гармонии» с общим ее уровнем. Сравнивая, например, «Историю моего современника» Короленко с мемуарно-художественными книгами Аксакова, А. Сторожев пишет, что «у С. Т. Аксакова чарующая природа, как правило, играет роль сглаживания противоречий социальной действительности... У Короленко же, наоборот, чарующая природа служит бальзамом, укрепляющим силы ссыльного, преследуемого потомками и продолжателями дела багровых».

Большую часть своей книжки А. Сторожев посвящает выяснению «творческой истории» мемуаров Короленко. Основная концепция, которую он при этом развивает, сводится к следующему: в то время, когда Короленко приступил к работе над «Историей моего современника», его общественно-политические взгляды вдруг стали гораздо более прогрессивными, и притом настолько, что в результате у писателя появилось «новое мировоззрение», в свете которого ему пришлось ревизовать и «перерабатывать» все написанное прежде. А. Сторожев относит это внезапное «изменение мировоззрения» Короленко к какому-то промежуточному моменту между 1906 – 1908 годами, когда в разных журналах был опубликован первый том «Истории моего современника», и 1909 годом, когда этот том был издан отдельной книгой. Отсюда-де и вся та разница, которая есть между журнальной и окончательной редакциями первого тома. И вот в специальной главе, посвященной «творческой истории» первого тома, А. Сторожев устанавливает ряд различий между двумя редакциями этого тома и на основании этих различий строит далеко идущие выводы. Как он это делает, можно судить по такому примеру.

Касаясь одного эпизода из времен детства писателя (как батрак Иван учинил жестокую расправу над лошадьми своего пана), А. Сторожев сопоставляет, по обыкновению, две редакции этого эпизода. Он на трех страницах распространяется о том, что вот-де по журнальному варианту «Иван избивает лошадей, очевидно, просто рассердившись на их непослушание», а в окончательной редакции он «бьет лошадей главным образом потому, что на «проклятой панской скотине» он хотел выместить свою злобу к панам». Но, приводя первоначальный журнальный текст, А. Сторожев пропускает в нем строки: «И все чувствовали при этом, что Иван не просто колотил непокорных животных, а вымещал злобу именно на папской скотине». Таким образом, никакого различия между двумя редакциями нет, но А. Сторожеву оно понадобилось, и он его сфабриковал.

Подобного рода передержки не единичны в книжке А. Сторожева. Считая «Историю моего современника» чуть ли не единственным идейно-полноценным произведением Короленко, А. Сторожев тем самым пытается умалить значение предыдущего творчества писателя (80 – 90-е годы), рассматривая его преимущественно как материал для «идейной переработки» в мемуарах. Он так и пишет: «Главным, основным принципом переработки предшествующего творчества в первом томе «Истории моего современника» являются идейная переработка»... Многочисленные примеры этой «переработки», которые приводит А. Сторожев, имеют такую же цену, что и сличения редакций.

Сопоставляя известный очерк Короленко «Чудная» с теми страницами «Истории моего современника», где Короленко рассказывает о своем аресте в Починках, А. Сторожев заявляет следующее: «Интересно отметить, что опоэтизированный до некоторой степени образ унтер-офицера Гаврилова в «Чудной», видевший (?) в каждом человеке, прежде всего, Человека, на страницах мемуаров изображен обыкновенным жандармом, действующим по отношению к конвоируемым не только по «инструкции», но, ради выслуживания, и сверх инструкции. Так, в мемуарах описывается, как этот самый Гаврилов, приехав в Починки за В. Г. Короленко, пожелал обыскать вещи

последнего, хотя в «инструкции» этого не было предписано». И дальше идет рассуждение о том, что эта новая трактовка жандарма Гаврилова была продиктована «новым мировоззрением» писателя, который-де в годы работы над третьим томом мемуаров «не мог не пересмотреть своей позиции» в отношении «гавриловых» и т. п.

Между тем в соответствующей главе третьего тома «Истории моего современника» (глава называется «Опять дорога. – Блюстителю закона» и пр.) говорится совсем другое. Никакой «новой» трактовки образа Гаврилова мы там не находим. К Короленко явились два жандарма, и на обыске настаивал не Гаврилов, как утверждает Сторожев, а другой жандарм («старшой»), который «был заметно пьян и вел себя развязно и грубо». О том же, который выведен в очерке «Чудная» под фамилией Гаврилов, Короленко в мемуарах пишет следующее: «Младший из них, которого я впоследствии описал в одном из своих очерков, человек более разумный и умеренный, отозвал старшого, и стал что-то говорить ему. Тот сдался». Как мы видим, младший жандарм из «Истории моего современника» почти ничем не отличается от Гаврилова из «Чудной», вопреки утверждениям Сторожева.

Значительная часть рецензируемой книжки А. Сторожева была опубликована несколько лет тому назад в «Ученых записках» Чкаловского педагогического института с таким примечанием от автора: «Работа на тему «История моего современника» В. Г. Короленко была представлена нами на соискание ученой степени кандидата филологических наук и 5 марта 1949 г. защищена в Ленинградском государственном педагогическом институте имени А. И. Герцена».

В апреле 1950 года на специальном заседании кафедры литературы Чкаловского пединститута, посвященном обсуждению данного выпуска «Ученых записок», работа А. Сторожева в его присутствии была подвергнута резкой критике, причем тогда же были вскрыты недостойные приемы, к которым он не постеснялся прибегнуть в своем «исследовании».

Через три года диссертация А. Сторожева уже полностью вышла в свет в Минске, вышла без каких-либо существенных изменений и с сохранением тех передержек, на которые было указано автору в Чкалове...

Позволительно спросить: как могла быть принята к защите такая диссертация, и как могло Государственное издательство БССР издать эту малограмотную книжку?

Н. ПРЯНИШНИКОВ